

СТІН ЦА́РСТВЕННЫ́А МѢ́НЦЫ МОЛѢ́ТЕ БѢ́А О НА́СЪ!

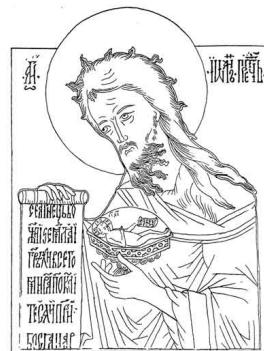
Приложение №1 к газете

ГЛАСЪ

ВОПНЮЩЕГО ВЪ ПУСТЫНѢ

Православная община
Святых Царственных
Мучеников Российских
г.г Рино - Спаркс, Невада
Газета печатается по благословению
Высокопреосвященнейшего КИРИЛЛА
Архиепископа Сан Францисского
и Западно-Американского

Выпуск №5, Январь 2018 г.

В этом приложении к газете «Глас вопиющего в пустыне» мы публикуем материалы, требующие достаточно внимательного прочтения и последующего размышления над прочитанным. Мы затрагиваем вопросы церковной истории, экклезиологии (природы и свойства Православной Церкви), догматического и нравственного учения Церкви, литургические, антропологические, а так же вопросы экзегезы, патрологии и множество других. Мы понимаем, что многие тезисы в материалах могут быть не бесспорны или наоборот – окажутся поверхностными и потребуют более глубокого осмысления, поэтому мы приглашаем всех желающих к сотрудничеству. Вы можете прислать любой, предлагаемый к публикации, материал на электронный ящик нашего прихода.

Приложение является регулярным изданием и выпускается вместе с газетой православной общины Святых Царственных Мучеников Российских г.г. Рино-Спаркс, Невада.

Редакция газеты надеется, что материалы приложения будут интересны широкому кругу читателей.

До июля 2018 г., когда мы будем вспоминать мученическую кончину царственных страстотерпцев, на страницах этого приложения мы пробуем поразмышлять над причинами, которые превратили наш народ богоносец в народ, отвернувшийся от Бога и предавший Его помазанника.

Авва Силуан говорил: *Мой сын, готовь себя уйти от правителя мира тьмы и от такого воздуха, который полон сил. А если у тебя есть Христос, ты победишь весь этот мир. То, что ты откроешь для себя, ты откроешь. То, куда ты будешь стучать для себя, ты будешь стучать, принося себе пользу. Приноси себе пользу, мой сын, не ходи по тем путям, где нет пользы.*

Кризис духовной школы (1904 – 1917 гг.)

На портале «Богослов.RU» впервые опубликована глава¹ из первой отечественной книги по истории Русской Православной Церкви начала XX века «Очерки по истории Русской Православной Церкви новейшего периода»² митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова). Глава посвящена состоянию духовных школ в период между двумя русскими революциями. Публикация подготовлена Л.К. Александровой-Чуковой.

«Являя собой прискорбное зрелище упадка и в воспитательном, и в образовательном отношении, духовная школа требует немедленного и решительного воздействия», – написано в передовой «Прибавлений к Церковным Ведомостям» № 40 (от 5 октября) за 1907 г.

«Прискорбное зрелище упадка» в духовной школе началось не вдруг и не сразу. Именно здесь особенно заметны были все ненормальности положения православного духовенства. В духовной школе наиболее ярко отразились все противоречия, существовавшие в понимании значения Православия в России.

В период Первой русской революции забастовки в духовных академиях и семинариях приняли такой размах, что они, то есть семинарии, закрывались одна за другой, и учащиеся распускались по домам. Определение положения в духовных учебных заведениях было одинаково в самых разнообразных церковных кругах. И архиерей, и семинарист сходились на том, что вопрос о преобразовании духовных школ едва ли не острее всех других церковных вопросов.

«В духовных учебных заведениях идут большие нестроения, – писалось в «Церковном Вестнике» в июне 1906 г. (№ 23, стр. 742). – Не говоря уже о прекращении занятий по инициативе самих учащихся, что, как известно, наблюдалось и в светских учебных заведениях, в духовных школах, учащимися произведены жестокие насилия над учащими и начальствующими. Не так давно на глазах учителей был избит учащимися ректор Одесской семинарии, облит серной кислотой ректор Харьковской духовной семинарии. В Смоленске семинарист Лемохин хлестал нагайкой своих наставников, в Воронежской семинарии произведен взрыв – здесь взрывы обычная форма протеста. В некоторых местах семинаристы разгромили свои здания, побили стекла, выбросили столы на улицу».

«Как это случилось, что духовные заведения, призванные воспитывать служителей и проповедников гуманнейшей морали, с основными ее началами – кротостью и любовью, стали

¹ <http://www.bogoslov.ru/text/print/5563130.html>

² Григорий Чуков, (митр.), Шаповалова А.А. Очерки по истории Русской Православной Церкви новейшего периода. Ленинград. 1954. Машинопись. Ч.1. Гл.12. С. 178 - 218. Архив Историко-богословского наследия митрополита Григория (Чукова) ©Л.К. Александрова. СПб. 2017.

ареною грубейших массовых насилий, не встречающихся даже в других школах, заклеянных обвинениями в антихристианском направлении?» – спрашивал автор далее (стр. 743).

Действительно, как же это случилось?

Существует неправильное мнение, что духовная школа была привилегированным учебным заведением, в котором воспитывались люди, заинтересованные в сохранении существовавшего строя, более того, специально подготовляемые охранять его, как, например, пажеские корпуса или лицеи.

На самом деле духовная школа являлась сословной, что не тождественно привилегированной. В духовной школе воспитывались дети беднейшего духовенства, этого забывать нельзя. И если в духовные академии приходила известная часть юношества из среды обеспеченного городского и культурного духовенства, а также молодые люди даже из привилегированных дворянских семей, то в духовном училище и в духовной семинарии трудно было встретить, вернее невозможно, детей и юношей из «привилегированных» сословий царской России.

В Уставе духовных семинарий в § 11 значилось: «Сироты и дети бедных родителей, отличающиеся успехами в науках и добрым поведением, принимаются на казенное содержание по числу определяемых Святейшим Синодом вакансий, соответственно потребностям каждой епархии».

На практике же получалось, что почти все дети духовенства принимались на казенное содержание и только с иносословных взималась плата. На практике также получалось, что в семинарии поступали дети бедного духовенства, которое не имело возможности обучать их в других средних учебных заведениях, поскольку везде взималась плата не только за содержание, но и за учение.

Еще более яркую картину в этом смысле представляло духовное училище, предназначенное «для первоначального образования и приготовления детей к служению Православной Церкви». Устав православных духовных училищ в § 105 указывал: «Сироты местного духовенства, а также дети бедных священно- и церковнослужителей, при хороших успехах в науках и поведении принимаются в общежития, с разрешения епархиального архиерея, без взноса платы за свое помещение и содержание или со взносом уменьшенной платы. Если же при училище не учреждено общежития, то означенным сиротам и детям священно- и церковнослужителей назначаются, смотря по их нуждам и средствам училища, денежные пособия».

Плата же взималась только «с учащихся в училище из других сословий» (§ 22).

Таким образом, духовное училище в массе своей превратилось в приют сирот священно- и церковнослужителей.

В 1905 г. в Москве вышел сборник «Духовная школа», в котором были собраны статьи о всех видах духовной школы, начиная от низшей и кончая академией. Вопрос о воспитании духовенства в этой книжке поставлен предельно резко. «Духовная школа изжила сама себя. В том виде, в каком она существует, она и в минимальной доле не осуществляет тех целей, которые ставятся ей ее идеей», – писалось в предисловии к этому сборнику.

Сборник «Духовная школа» является интересным документом эпохи. Современного читателя поразит в нем взаимная ненависть начальства и подчиненных, учащихся и учащихся и, что еще страшнее, обоюдная ненависть к школе.

Поджоги духовных училищ – не единичный случай. Не единичный случай и избиение педагогов. «Своей гнетущей системой воспитания духовные педагоги порой доводят питомцев до явных преступлений», – писал один из авторов в сборнике «Духовная школа» (стр. 104).

«Только общий революционный подъем страны заставил наконец центральное управление пробудиться от его исконной летаргии, – писал другой автор в том же сборнике (стр. 269). – Так давно уже в разных уголках страны назревал сознательный, убежденный, а не только

бунтовщический протест во имя вопиющих нужд и разбитого сердца. Трагичны эпизоды этого протеста...»

Буквально то же самое можно прочесть и в «Церковном Вестнике», где педагог средней духовной школы писал: «Не год и не два, как начались у нас беспорядки, а почти десять лет. Но они происходили в стенах семинарий, где-то там внутри, куда не проникает посторонний глаз... Все, что происходило в гимназиях, сейчас же делалось достоянием гласности. А в нашем мешке представлялось возможным таить шило долгое время...»

«Мы просмотрели в жизни семинарий такой факт, – писал автор-педагог, – который бросает свет на события дня и убедительно говорит сам за себя. Имею в виду съезд семинаристов в Нижнем Новгороде два года назад. Кажется, он в недавнее время повторился где-то в другом городе. Об этих съездах газеты трубили, а мы пропускаем мимо ушей. Совсем не обращаем внимания. Мало ли что не выдумают бездельники и бунтовщики? Однако эти бездельники и бунтовщики устроили так, что 48 семинарий забастовали и не учились, подавая петиции начальству, требовали реформы программ и всего учебного строя. Семинаристы успели организовать, объединиться лучше, чем мы, их учителя и наставники. Дело оказалось нешуточное» («Церковный Вестник», 1906, № 32, стр. 1031-1032).

В Предсоборном Присутствии подрастающему поколению духовенства была дана такая оценка: «Семинаристов скорее можно увидеть на митингах, чем в церкви, классах или религиозных собраниях» (Журналы и протоколы заседаний Предсоборного Присутствия, Т. II, СПб, 1907, стр. 494).

Мы в наших очерках не имеем возможности заниматься исследованием революционных течений среди учащихся духовных школ, но, например, из газет известно, что несколько семинарий, в том числе и столичные, были закрыты после 1 мая, когда семинаристы пожелали выразить сочувствие пролетариату в его борьбе с буржуазией и самовольно отставили занятия в этот день. Таким образом, в духовной школе происходили не только бунты местного порядка, но существовало и организованное движение, соприкасавшееся с движением общенародным.

Вот что по этому поводу писал «Богословский вестник» в статье «Скорбный лист духовных семинарий в 1906-1907 учебном году»: «После бурных эксцессов 1905/6 учебного года чувствовалось некоторое утомление, нужна была передышка, и она продолжалась до конца декабря, вплоть до общесеминарского съезда. Не только в истекшем году, но и в общей истории духовной школы этот съезд составляет факт, столько же крупный, сколько и печальный. Он показывает, что питомцы семинарий, семинарскою педагогикой предоставленные главным образом самим себе, нашли искусных и энергичных руководителей на стороне. По крайней мере, можно так думать на основании того, что в заседаниях съезда принимали участие представители крайних партий – РСДРП и РСР... После съезда в семинариях снова вспыхнули беспорядки...

Всероссийский семинарский съезд происходил в Москве в праздник Рождества Христова. Приглашения на съезд были посланы „центрального бюро“, существовавшим при Владимирской семинарии, в 50 семинарий, но на съезд явились представители только от 13. Предварительное собрание было 24 декабря, первое – утром 25-го, остальные шесть – вечером 25-го и затем 26-го и 27-го. Признавши деятельность владимирского бюро недостаточною, съезд заслушал доклады с мест и пришел к заключению, что политическое развитие семинарий за последнее время расширилось, во многих семинариях явились общеобразовательные и политические кружки, а в некоторых существуют политические организации, насчитывающие в своей среде не один десяток членов, хотя общее настроение семинаристов в последние месяцы во внешних своих проявлениях понизилось, некоторые семинарии съезд отнес к разряду черносотенных и единогласно постановил учредить общесеминарский союз. При обсуждении программ союза определилось тройное направление взглядов.

Были предложены три программы:

1. профессиональный союз с политической борьбою,

2. партийно-политический союз с политической борьбой,
3. профессиональный союз с профессиональной борьбой.

Принята была первая программа. Съезд пришел к заключению, что свободная демократическая школа может существовать только в свободном государстве, и поставил задачей союза достижение такой школы путем упорной борьбы на почве академических требований с участием и в общей политической борьбе, признавая, что академическая свобода невозможна без свободы слова, печати, собрания и совести для всех граждан России.

При общей политической борьбе союз присоединяется к общим боевым выступлениям масс революционного народа, совершая выступления и собственными силами, поскольку не приходится в них обращаться к милости самодержавия и его агентов. Далее была определена организация союза. Законодательная власть принадлежит съездам, исполнительным органом которых является Центральный Комитет. Этот Комитет (учрежден при Вятской семинарии) имеет постоянные сношения с семинарскими организациями, учрежденными в каждой семинарии, примыкающей к союзу, получает от них сообщения о положении дел на местах и ежемесячно рассылает сведения относительно общего положения дел в союзе. Комитету принадлежит и право созывать съезды. Члены союза представляют ежегодно членские взносы в размере одного рубля. Намечено и место следующего съезда – Финляндия.

Поставив задачей союза как борьбу за свободу средней школы, так и общую борьбу за свободу народа, по вопросу о тактике союза съезд принял такую программу:

1. борьба в защиту существующих уже прав при посягательствах на них со стороны начальства;
2. при всеобщих политических выступлениях единение с крайними левыми партиями;
3. резкий протест всякой попытке черносотенной организации со стороны духовенства или от его имени;
4. содействие крайним левым при их работе в стенах семинарии;
5. при выборах в государственную думу деятельная организация в пользу с.-д. и с.-р».

Участники семинарского съезда постановили игнорировать предстоящий Поместный Собор, потому что «реальные улучшения школьной жизни невозможны в рамках существующего самодержавного строя» и потому что Собор будет состоять из «жандармствующих попов и монахов и вообще черносотенцев».

Можно удивляться, что на страницах церковного журнала, каким являлся «Богословский Вестник», появился такой отчет о «крамольной» деятельности учащейся духовной молодежи, который граничит с пропагандой этой деятельности. В виде пояснения следует сказать, что издания духовных академий не проходили общей цензуры. § 172 Устава духовных академий гласил: «Академии имеют свою собственную цензуру для тезисов, рассуждений и иных учебно-литературного содержания сочинений и сборников, ими издаваемых». Именно поэтому о настроениях, царивших в академиях, можно судить по их печатным органам.

«Богословский Вестник» – орган Московской Духовной Академии, являлся наиболее характерным примером в этом смысле.

Кстати сказать, эта характеристика в Предсоборном Присутствии была такова: «Наша школа есть труп, разлагающий и заражающий окружающую ее атмосферу, то есть общество. В самом деле, что дают ему наши высшие школы? В одном академическом органе публично утверждается, что вместо мощей святителя Тихона Задонского лежит чучело; в этом же журнале говорится, что учение о самодержавии идет вразрез с божественным откровением» (Журналы и протоколы заседаний Предсоборного Присутствия, Т. III, стр. 509, слова о. Т. И. Буткевича).

Самый факт отождествления суждения о подлинности мощей Тихона Задонского и самодержавия весьма характерен для настроения определенной части духовенства, наиболее реакционного. Но с другой стороны, статья «Библия и самодержавие», помещенная в «Богословском Вестнике», не оставляет сомнений в настроениях другой части духовенства. В

этой статье речь идет о том, что Слово Божие не санкционирует самодержавия в качестве единственно законной и допустимой формы политического устройства в христианском государстве.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что «Богословский Вестник» не допускался в библиотеки некоторых семинарий, а профессор Голубев публично заявил о нем: «Я, когда получаю „Богословский Вестник“, то прячу его в стол, чтобы не попался он в руки детям» (Журналы и протоколы заседаний Предсоборного Присутствия, Т. III, стр. 509).

Все эти факты являются ярким показателем растущего политического расслоения русского православного духовенства. И духовная школа в силу многих своих специфических особенностей стала ареной самых разнообразных конфликтов.

«В духовной школе, один возле другого, создаются два различные и даже враждебные миры: учебное начальство и ученики, воспитатели и воспитанники», – писал один из авторов сборника «Духовная школа».

«Духовные питомцы в силу самой природы вещей образуют тесно сплоченный, оборонительный и отчасти даже наступательный союз для борьбы с начальством. Связующим звеном, той страшной Аннибаловой клятвой, нерушимость которой скрепляет и заключает в себе всю силу и мощь организации воспитанников, является девиз: „как можно дальше от начальства!“ Начальства боятся, его сторонятся, ему не доверяют... Воспитанники почтительно расступаются перед носителем семинарской власти; начальнику кланяются, оказывают все знаки внешнего уважения, но внутрь, в духовный свой мир не пускают. Тщетно иные ретивые педагоги, прикидываясь друзьями учеников, пытаются проникнуть в их запретную святыню: это плохо удастся, разве лишь в форме и на почве „шпионства“. Воспитанники духовной семинарии, особенно в старших классах, образуют из себя довольно организованную массу. Каждый класс или отделение представляет маленькую республику в 30-50 человек, связанную живым и здоровым духом товарищества. Все важные вопросы решаются сообща. У класса – свои интересы, свое коллективное самолюбие, свои тактика и политика в отношении к начальству. Эта школьная республика, в зависимости от состава класса, иногда более демократична, иногда приближается к олигархии. Члены ее связаны молчаливым договором: „своего не выдавать!“ Выдать товарища значит совершить тяжкое преступление. Как отдельные классы, так и целая семинария стараются делать все „скопом и заговором“, хорошо понимая, что всех не накажут, а если и накажут, то не очень строго! С другой стороны, сплоченная масса – сила, только она одна и способна производить на начальство должное впечатление».

Если можно допустить, что автор приведенной характеристики несколько преувеличил ненависть, поселившуюся между старшим и младшим поколением лиц, трудящихся и готовящихся к труду на ниве православия, то все же нельзя не задуматься над этой характеристикой. Даже самый идейный, даже самый разумный педагог – что мог он сделать при создавшихся отношениях, более непреодолимых, чем любая крепостная стена! Здесь дело было, конечно, не только в педагогах.

Но надо сказать, что воспитателями и преподавателями в духовное училище и в духовную семинарию шли люди не всегда достойные и зачастую совсем не по призванию. Неслучайно поэтому говорилось, что «семинарское духовенство утратило значение и отделилось от всех слоев прихода, обособилось в касту, никому не симпатичную, даже себе» («Русское слово», 1905, № 162).

Если не во всех, то в большинстве семинарий существовал такой разлад, такое взаимное непонимание между старшим и младшим поколением. И «война» между ними, большая или малая, стала семинарскою традицией.

Вместо разумного послушания начальство требовало беспрекословного повиновения. Это считалось идеалом воспитания. Один из семинарских инспекторов высказывался так: «Семинарист – машина: как я заведу ее, так она и должна идти». У этого инспектора «какие-то

неизвестные злоумышленники» систематически били стекла, подожгли квартиру... «После каждого посещавшего его квартиру несчастья о. инспектор еще старательнее занимался превращением семинаристов в машины» («Русские ведомости», 1905, № 96).

Беспрекословное повиновение в семинариях требовалось по разным поводам. Вот, например, есть такое свидетельство. «В одной семинарии было объявлено, что все воспитанники, имевшие неудовлетворительные баллы за четверть года, должны были за день или два, по числу полученных двоек, стоять „столбом“ за уроками. Эта педагогическая мера распространялась на все без исключения классы, хотя воспитанниками 6-го класса являются молодые люди в возрасте от 20 до 25 лет. Наступил день казни. Вся семинария от мала до велика стояла на уроках, и никто не соглашался сесть иначе, как вместе с наказанными. Напрасно педагоги напрягали все силы своего красноречия, доказывая необходимость и пользу „повиновения“. Семинария стояла. Семинаристы одержали победу, „отстояли“ свое право „не стоять“. „Мера“ была отменена для старших классов, а в младших скоро вымерла естественною смертью» («Духовная школа», стр. 101).

Оставим на совести автора достоверность подобного сообщения, говорящего о крайнем произволе инициаторов такой меры наказания. Но если сравнить с этой «мерой» соответствующий пункт Устава духовных семинарий, то разительным образом обрисовывается разрыв между установленными требованиями и практикой повседневной жизни.

§ 147 Устава гласил: «Меры исправления воспитанников избираются правлением семинарии со строгою разборчивостью в отношении к их роду и качеству и должны быть всегда соображаемы с возрастом, первоначальным воспитанием и характером исправляемых».

Нет слов, семинарский устав содержал много ограничений в смысле свободы учащихся. Синод периодически «поручал» епархиальным архиереям «строжайше подтверждать начальствам духовно-учебных заведений» те или иные ограничительные пункты устава. В частности, особенно подчеркивалось запрещение «отлучки воспитанников из казенных общежитий, хотя бы во время свободное от учебных занятий» (Определение Синода от 25 ноября 1886 г.).

Но с этим нельзя не согласиться, дисциплина в закрытом учебном заведении всегда бывает более жесткой, чем в школах обычного типа. Объективно такое требование можно было бы считать приемлемым. В семинариях же царили иные понятия.

В семинариях непосредственно ответственным за дисциплину был инспектор. В его обязанности входило: «наблюдение за исправным посещением учениками классов, дознание причины их отсутствия, бдительный надзор в семинарии и вне оной за их поведением, чистотою, опрятностью, состоянием их здоровья» (§ 41). Однако средств для выполнения этого пункта было недостаточно: штаты воспитателей были весьма ограничены, подбор воспитателей оставлял желать лучшего с точки зрения их педагогической квалификации, и, наконец, самое главное – учащиеся стали считать делом чести и доблести изобрести любой способ обойти устав. И как, например, строго ни ограничивалась возможность отлучаться из семинарии – вводилась «мудрая» система пропусков, запирались двери, ставились сторожа, – учащиеся отлучались тайком, вылезали в окна, перелезали через заборы и так далее.

Ошибочно было думать, что все требования воспитателей, все правила дисциплины были всегда неразумными или излишне строгими. Во многом они не отличались от элементарных правил внутреннего распорядка любого закрытого учебного заведения. Наоборот, очень часто требования самих учащихся выходили за рамки дозволенного, поражая своей мелочностью, и во всяком случае свидетельствовали не столько о жесткости педагогов, сколько о распушенности учащихся.

«Бунты» возникали по всякому поводу и без повода. Бунтовать считалось геройством. В одной семинарии бунт возник из-за того, что не разрешалось курить в столовой. Много возмущений было из-за запрещения употребления спиртных напитков. Примером подлинного

разложения в среде духовной школы было циничное кощунство, презрительное отношение к сокровенным святыням и таинствам православного исповедания.

Из всех имеющихся документов неопровержимо вытекает одно: и учащие, и учащиеся потеряли ясное представление, что допустимо и что недопустимо. Бунты и репрессии следовали одни за другими.

Больше всего семинарское начальство стремилось оградить воспитанников от внешних влияний, то есть книг, и от соприкосновения с общественными движениями. Какие результаты имело стремление оградить от общественных движений, мы уже рассматривали. Что же касается литературы, то по циркулярам Святейшего Синода не запрещенной периодической литературы практически не было.

В уставе значилось: «При каждой семинарии полагается библиотека с достаточным количеством географических карт, математических и физических инструментов и других пособий. В состав библиотек должны входить, кроме учебных книг для воспитанников и вспомогательных для учителей, избранные книги для чтения воспитанников, как на отечественном, так и на иностранных языках» (§ 134 и 135).

Как практически осуществлялись эти параграфы устава, пусть расскажет один из весьма «благонадежных» современников, профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии Н.Н. Глубоковский. Критикуя работу Учебного Комитета при Синоде, он писал: «Все школьно-книжные кредиты произвольно и бесконтрольно исчерпывались заранее центральным распоряжением, без всякого внимания к наличным потребностям и действительным нуждам...

Школа, пользовавшаяся вместо учебников истерзанным хламом, лишена была возможности удовлетворить любознательные запросы своих воспитанников по преподаваемым и соприкасаемым наукам для расширения их умственного горизонта чтением, так как располагала слишком архаическим и неподходящим книжным материалом.

Ученики по необходимости обращались „на сторону“, где не было педагогического контроля, а модные общественные течения, естественно, захватывали увлекающуюся молодежь, для которой в особенности сладок всякий запретный плод. К последней категории относились иногда авторитетные богословские труды – и юношество теряло всякий критерий для суждения о дозволенности разных книг, коль скоро в проскрипционных индексах находило докторские диссертации академических и университетских профессоров, у которых должны были получать высшее образование наилучшие его представители. В свою очередь духовное начальство с подозрением смотрело на всякую новую книгу и систематически развивало в учениках пылкую любовь ко всевозможным запретным писаниям... Постепенно установился в духовной школе навык, вкус и традиции для чтения именно нелегальной литературы».

Пусть читатель не отождествляет со словом «нелегальная» понятие «революционная литература». Серьезные статьи и книги теоретиков социализма и коммунизма, а тем более марксизма-ленинизма, далеко не исчерпывали понятий семинаристов о «нелегальной литературе». Любопытными и интересными считались также и всякие писания, выражающие настроения антиобщественные, индивидуалистические, аморальные, разлагающие, которые не допускались духовной цензурой в семинарские библиотеки.

Отсюда и проистекают те многочисленные противоречия и многообразные конфликты, которые характеризуют духовную школу в период между двумя русскими революциями.

В соответствии с уставом, воспитатели должны были проявлять и старательную заботу о нравственном и физическом воспитании учащихся. Более того, в Уставе духовных училищ записано, что «все служащие при училище лица должны подавать ученикам пример неукоризненной жизни и точного исполнения христианских обязанностей», чтобы они «сделались истинной потребностью сердца воспитанников», что «ученикам должны быть внушаемы правила внешнего приличия, вежливости, бережливости, опрятности и другие

подобные навыки». И одновременно с этим требовалось, чтобы исправительные взыскания не были ни грубыми, ни унижительными, ни жестокими.

Семинарский устав также указывал, что «ученики должны быть приучаемы к соблюдению правил приличия и общепринятых условий вежливости... Неучтивые, грубые, оскорбительные шутки и подобные поступки не должны быть допускаемы».

«Занятия музыкой, живописью и другие подобные им упражнения, развивающие эстетический вкус и отвлекающие от праздности и грубых удовольствий, должны быть не только дозволены, но даже поощряемы».

Для надежного развития и укрепления телесных сил воспитанников назначаются в каждой семинарии, под руководством особого учителя и наблюдением врача, гимнастические упражнения, а также садовые занятия и игры, способствующие развитию сил».

Подобные требования являлись не только абсолютно приемлемыми для любого учебного заведения, но, можно сказать, чрезвычайно прогрессивными для того времени, когда писался устав. Однако в очень немногих семинариях и духовных училищах они выполнялись даже частично. На страницах «Церковных Ведомостей» в период синодального управления К.П. Победоносцева мелькают иногда сообщения о выполнении этих пунктов устава, но они являются лишь единичными примерами, не стимулирующими подражания, как это видно из приведенных выше высказываний и характеристик духовной школы. Поэтому наиболее часто применяемым методом воспитания было наказание. Оно было разнообразным, частично мы уже о нем говорили. Значительное место в системе наказаний занимали духовные меры исправления, что является вполне естественным для такого рода учебных заведений.

Высшим наказанием было исключение, «которое, в случае особенно важных и нетерпимых проступков, должно быть делаемо немедленно и во всякое время учебного года» (§ 148 Устава семинарий). Но увольнение из духовной школы было страшным наказанием. Почему это было так – пусть расскажет современник.

«В каждом духовном училище ежегодно по несколько человек, а иногда и целые десятки учеников первого, второго и даже подготовительного классов исключаются за „дурное поведение“, т.е. признаются настолько порочными, что школа не только считает нужным их уволить, но снабжает их „волчьими билетами“ на всю дальнейшую жизнь. Ясно, что какими бы серьезными ни казались детские проступки в глазах учебного начальства, но они есть не что иное, как шалости, ребячество, недомыслие беспризорных детей. Пожизненно карать их за это не только бесчеловечно жестоко, но и противоречит всякому здравому смыслу... В некоторых семинариях „четверка поведения“ ставится лучшим семинаристам только за то, что вопреки пожеланию начальства держать экзамен в Духовную академию они предпочитают поступать в университет или другие светские учебные заведения» («Духовная школа», стр. 110-111).

По мере роста «бунтов» и «забастовок» массовые увольнения из училищ стали нередким явлением. В начале 1905 года из Тифлисской семинарии было уволено сразу свыше 100 человек. В 1904 году жесткому разгрому подверглась Тверская семинария, из которой было сразу уволено 200 учеников (при общем числе учащихся в 600). И все эти юноши, по существовавшим административным правилам, на всю дальнейшую жизнь должны были считаться «политически неблагонадежными».

«Как это ни странно, – писал один из авторов в сборнике «Духовная школа», – у нас еще имеются люди, которым приходится завидовать „идеальной“ свободе, выпадающей на долю бесправного русского „светского“ человека. Люди эти – православное духовенство, все состоящие в ведомстве православного исповедания, в частности духовная школа. Если все русское общество изнемогало под давлением одного бюрократического пресса, то на духовное ведомство налегали два таких пресса – общий и свой специальный, духовный. Православная Соборная Церковь, свободная и независимая в идее, превратилась в приказное, бюрократическое

ведомство православного исповедания, ставшее одной шестерней общей бюрократической машины» (стр. 124).

При таких условиях только крайняя нужда заставляла молодежь, не имеющую призвания к духовному служению, идти в духовные школы. Создавался замкнутый и административно поддерживаемый круг сословности, действующий по инерции.

Как мы уже говорили, дети духовенства обучались и воспитывались в духовных училищах на «казенный счет». Отказаться от такой привилегии бедное, низкооплачиваемое духовенство было не в состоянии. А с другой стороны государство, идеологической основой которого было провозглашено православие, постоянно нуждалось в целой армии работников, специально подготовленных для этой цели. Так замыкался круг сословности, с каждым днем теряющий все более и более свое идейное содержание и превращающийся в окаменелые рамки бюрократической формы.

Содержались духовные школы на так называемый свечной доход, 25 % которого поступало для этой цели непосредственно в кассу Святейшего Синода.

Наиболее обеспеченным было духовенство академии, которое содержалось целиком на средства Синода. На содержание семинарий, помимо средств Синода, отпускалось пособие из государственного казначейства. Наиболее тяжелым было содержание духовных училищ. По Уставу 1884 года, «Духовные училища содержатся, при пособиях из сумм Святейшего Синода, на средства, изыскиваемые духовенством каждой епархии».

Самая постановка содержания и надзора за духовными училищами, чрезвычайно громоздкая и сложная, никак не обеспечивала нормального их существования. Каждая епархия разделилась на училищные округа, и именно духовенство данного округа обязано было «иметь попечение об училище этого округа». В случае нужды архиерей мог созывать съезды из священнослужителей училищного округа и поручать этому съезду «изыскание мер к лучшему содержанию училища и назначения с этой целью единовременных или ежегодных пожертвований на училище, как из собственных средств состоящего в училищном округе духовенства, так и из других источников». Забота же об учебно-воспитательной части в духовных училищах возлагалась на семинарское правление.

Как известно, у семи нянек дитя без глазу. Условия существования духовного училища зависели от энергии местного духовенства, от умения выискивать средства, от обеспеченности его самого, от доброй воли семинарского правления и так далее.

Так или иначе, духовная школа – и низшая, и средняя, и высшая содержалась в конечном счете на средства верующих.

При наличии больших средств можно бы улучшить условия жизни учащихся в школах, подобрать более квалифицированных педагогов, расширить их штат и прочее. Но бывали случаи, что прихожане выражали открытый протест против отпуска церковных средств на содержание духовных школ.

В печати того времени встречаются сообщения, что в ряде епархий крестьяне направляли архиерею петиции, в которых говорилось, что «нам нужны богомольные, наставительные, доступные пастыри, чтобы они не тяготились молиться не только с нами, но и наедине за нас, чтобы они наставляли и учили нас и святой жизни, чтобы сами были воздержаны, просты и доступны» («Богословский вестник», 1907, № 5, стр. 245).

Само собой разумеется, что материальные затруднения весьма печально отразились на быте духовной школы. Частичный приток средств можно было бы организовать за счет поступления платы за содержание с «иносословных». Городское мещанство, зажиточное крестьянство, богатые «иностранцы» считали большим преимуществом для себя давать своим детям духовное образование, видеть их священниками. Но, по существовавшему закону, «иносословные» принимались в семинарии только в размере 10-процентной нормы. Это было

одной из мер внутрисословной замкнутости, обеспечения за духовенством права бесплатного образования своих детей.

Устав 1884 года, который мы неоднократно цитировали выше, ставил под строжайший государственный контроль и учащихся, и учащихся, и воспитателей, и воспитуемых. Введение единоначалия в лице ректора, подчиненного непосредственно епархиальному архиерею, способствовало уничтожению всякой свободной инициативы у преподавательского состава, а, следовательно, снимало с них всякую ответственность и тем самым унижало их чувство человеческого и профессионального достоинства.

Но ведь и учащиеся духовной школы не имели другого пути, кроме как следовать по стопам своих отцов и воспитателей. Из духовного училища дорога вела в семинарию. Из семинарии только для самых лучших учеников – в духовную академию. Прием в другие высшие учебные заведения был предельно ограничен.

Таким образом, была создана сложная и, надо признаться, хорошо продуманная бюрократическая система затруднения выхода из духовного звания и даже из духовного сословия. Постепенно духовная школа сама собой превратилась для детей духовенства в принудительное учебное заведение.

И самым острым, самым животрепещущим вопросом было разрешение светского образования в духовных учебных заведениях по программам гимназий или прогимназий. Сторонники общего светского образования в духовных училищах считали, что богословское должно преподаваться лишь тем, кто добровольно пожелает посвятить себя служению Церкви. Однако тогда потерялся бы весь смысл, вся специфика православных духовных школ, разрушилась бы вся система духовного образования.

Противники того, чтобы духовное поприще стало делом свободного выбора, ссылались на одно существенное последствие такой реорганизации – немного детей духовенства захочет идти по стопам своих отцов.

Какие резкие формы принял вопрос о принудительности духовного образования, можно судить по предложению, сделанному в Предсоборном Присутствии архиепископом Волынским Антонием. Он сказал: «У нас есть школа, могущая служить примером для духовенства, – это школа военная. Она принципиально не сословная, но фактически является сословною. Кадеты почти все идут в военную службу, и только некоторые из них, желая поступить в университет, прилагают усилия к сдаче экзаменов на аттестат зрелости, нисколько не сетуя на то, что не имеют права поступить в светскую школу без экзаменов. Для чего же семинаристам облегчать все дороги, кроме дороги ко спасению?» (Журналы и протоколы заседаний Предсоборного Присутствия. Т. II. СПб. 1907, стр. 540).

Свои доводы о создании в духовных школах режима военных училищ архиепископ Антоний подкреплял тем, что из среды духовенства выходили люди прекрасных моральных и умственных качеств, огромной выносливости и трудоспособности. Надо признать справедливость этого утверждения – семинарская выносливость вошла чуть ли не в поговорку. А в печати того времени можно встретить признания, что духовные учебные заведения «дали много лучших работников, находящихся на разных поприщах государственной и общественной службы» (Журналы и протоколы заседаний Предсоборного Присутствия. Т. II. СПб. 1907, стр. 505).

Но пастырство – подвиг, а на подвиг можно идти только добровольно. В силу совокупности многих обстоятельств, о которых мы говорили ранее, рвение к пастырскому подвигу ослабевало. Никогда нельзя забывать, что любое поприще, любая деятельность только тогда привлекает и вдохновляет, когда направлена на благородную, исторически прогрессивную цель. Чрезвычайно глубоко звучат слова, сказанные в Предсоборном Присутствии священником Козловским: «Замечательно, что стремление детей духовенства к выходу на сторону совпадает с тем временем, когда на нас излились особые милости с высоты престола» (Там же, с. 497).

Что же касается длинных обсуждений реформ духовной школы в печати, в созываемых совещаниях, в V отделе Предсоборного Присутствия, то в конечном итоге они свелись к немногим несущественным изменениям, нисколько не изменившим основного принципа воспитания и образования духовенства.

(Окончание следует).

.....
Наш адрес: HOLY ROYAL MARTYRS OF RUSSIA ORTHODOX CHURCH
1020 Pyramid Way Sparks, NV 89431

Настоятель: Преосвященнейший Феодосий, Еп. Сиятлийский

Справки по телефону: 1/775/ 525 0023

E-mail: churchreno@gmail.com

<http://www.russianrenorthodox.com>